

Глава 22. Бедствие в Ичжоу

Ветер гнал косые струи дождя, тяжелые тучи придавили небо, то и дело рокоча глухими раскатами грома. За окном бушевал ливень; потоки воды, сливаясь в сплошную мерцающую завесу, с силой обрушивались на землю. Воздух пропитался влажной дымкой, и стоило лишь на миг задержаться под навесом галереи, как полы платья тут же становились тяжелыми от сырости.

— Ну и погода! Кажется, само небо решило обрушиться на землю, — выдохнула Фу Тун, вбегая под покрытие крытой галереи.

Оказавшись в передней, она принялась торопливо отряхивать капли воды с одежды и невольно чихнула.

— Скорее, погрейся у огня, — Би Тао подхватила её за руку и потянула к установленной посреди зала курильнице, чтобы та хоть немного обсушилась.

— А где молодой господин? — спросила Фу Тун, протягивая озябшие пальцы к теплу, исходящему от резной бронзы.

Би Тао приложила палец к губам, призывая к тишине. Фу Тун всё поняла без слов, и обе девушки тихо удалились в боковую комнату, ожидая дальнейших распоряжений.

***

В спальне царил полумрак. Гу Чжао неподвижно лежал на широкой кровати, уставившись в пустоту отсутствующим взглядом.

— Чёрного генерала больше нет, — прошептал он, и голос его прозвучал на редкость надломленно.

Жун Цунцзинь, присевший рядом, с нескрываемой нежностью принялся распускать его волосы. Его длинные, изящные пальцы мягко легли на виски юноши, осторожно массируя их.

— Что мне сделать, чтобы Вашему Высочеству стало легче? — негромко спросил он.

Голос Гу Чжао был едва слышен, словно натянутая нить:

— Я в порядке... Просто хочу немного отдохнуть.

— Хорошо, — отозвался Жун Цунцзинь.

Наступила тишина. Спустя некоторое время Жун Цунцзинь слегка наклонился и увидел, что Гу Чжао всё так же безучастно разглядывает резной полог кровати. На его лице застыла печать глубокой печали. Не выдержав, Цунцзинь придвинулся ближе и запечатлел невесомый поцелуй на его щеке.

Глаза Гу Чжао едва заметно дрогнули, и он подставил другую щеку.

Понимая безмолвную просьбу, Жун Цунцзинь вновь склонился к нему, оставляя нежный поцелуй, а в воздухе поплыл едва уловимый аромат сливы мэй, исходящий от его одежд.

На самом деле Гу Чжао уже не было так горько, но он продолжал притворно опускать веки, напуская на себя удрученный вид. Его густые ресницы отбрасывали тень, скрывая блеск в глазах, и Жун Цунцзинь, знавший, как сильно князь дорожил своими сверчками, не заподозрил подвоха. Совсем недавно один из них сбежал, а теперь второй стал закуской для золотого орла — Цунцзинь был уверен, что сердце его супруга разбито.

Охваченный желанием утешить и защитить, он и не заметил, как его самого обвели вокруг пальца.

Гу Чжао, втайне наслаждаясь полученной лаской, внезапно принял строгий вид и шутливо возмутился:

— Как принцесса-консорт смеет проявлять такую инициативу? Какое бесстыдство!

Но не успел Цунцзинь что-либо ответить, как юноша не выдержал и рассмеялся.

— Впрочем, я не против. Впредь можешь быть со мной настолько бесстыдным, насколько пожелаешь.

Жун Цунцзинь слегка приподнял бровь, внимательно вглядываясь в лицо мужа. Он догадался о хитрости, но не стал его разоблачать, лишь с улыбкой кивнул.

Довольный собой, Гу Чжао перевернулся на бок и притянул супруга к себе. Они сплелись в объятиях, обмениваясь короткими, нежными поцелуями. Ощущение тепла чужой кожи дарило непередаваемое чувство близости и полноты жизни. Здоровье Гу Чжао в последнее время заметно окрепло, и теперь, когда он вдыхал этот манящий, холодноватый и в то же время сладостный аромат сливы, его дыхание постепенно становилось тяжелым.

Поддавшись порыву, он распахнул ворот одежд Цунцзиня. Ладонь скользнула по белоснежной, гладкой, словно драгоценный нефрит, коже. Гу Чжао на мгновение замер, ослепленный этой чистотой; в голове словно вспыхнули тысячи фейерверков, озаряя небосвод его сознания. Он не смел больше смотреть, но рука его, словно живя собственной жизнью, продолжала ласкать изящное плечо супруга.

— Ваше Высочество... — в уголках глаз Жун Цунцзиня проступила влажная алость, но он не отстранился.

Снаружи шум ливня, разбивающегося о черепицу, заглушал все звуки, скрывая то, что происходило в комнате.

Гу Чжао почувствовал, как внизу живота разливается жар. Обычно в такие моменты он старался думать о своих сверчках, и возбуждение быстро проходило. Он был худощав для своих лет, и подобные порывы всегда удавалось подавить — не стоило беспокоить императорских лекарей и волновать матушку-императрицу по пустякам.

Но сегодня всё было иначе. Стоило ему попытаться вспомнить о Чёрном генерале или Золотой Броне, как аромат сливы мэй вновь дурманил разум. Этот запах был точь-в-точь как сам Цунцзинь — холодный и отстраненный для всех, но раскрывающий свою сокровенную, благоухающую сердцевину лишь для него одного.

Гу Чжао снова и снова тянулся к нему, забываясь в поцелуях.

Заметив это состояние, Жун Цунцзинь не отступил. Напротив, он позволил юноше прильнуть к себе, покорно принимая его инстинктивные, робкие движения.

Это длилось долго, пока одна половина тела Цунцзиня не затекла. Стоило ему слегка сменить позу, как Гу Чжао, подобно испуганному оленю, внезапно очнулся. Он резко отпрянул и с головой нырнул под парчовое одеяло.

Завернувшись в него, словно в кокон, он замер, и лишь спустя мгновение тяжелые доски кровати начали мерно вздрагивать.

Туман в глазах Жун Цунцзиня рассеялся, к нему вернулась привычная ясность. Губы его, припухшие и влажные, тронула мягкая улыбка, в которой, впрочем, сквозила едва заметная грусть. Он чувствовал привязанность Гу Чжао, но тот всё еще метался между детской непосредственностью и пробуждающейся мужественностью, реагируя на всё медленнее, чем обычные люди.

— Ваше Высочество, — Цунцзинь приподнял край одеяла, заглядывая внутрь.

Гу Чжао лежал ничком, его лицо пылало густым румянцем, а сам он лихорадочно искал облегчения, прижимаясь к постели. Заметив свет, он вскрикнул и поспешно подоткнул одеяло под себя.

— Цунцзинь... уходи. Пожалуйста, выйди, — донесся его приглушенный голос.

Жун Цунцзинь не ответил. Его длинные ресницы дрогнули, словно крылья бабочки на лепестке

цветка. Помедлив, он снова приподнял край одеяла и, ловко скользнув внутрь, опустил его за собой.

В тесном, замкнутом пространстве воцарилась крошечная тьма, напоенная жарким дыханием и едва уловимым мускусным ароматом. Лишившись зрения, Цунцзинь ощутил странное спокойствие. Он обнял Гу Чжао со спины, нежно прижавшись щекой к его лопаткам.

— Ваше Высочество... хотите узнать, что такое настоящая близость? — прошептал он голосом, тонким, как шелковая нить.

Гу Чжао, чьё сердце и без того было натянуто, как тетива лука, вздрогнул. Каждое движение, каждое прикосновение отзывалось в его душе гулким звоном.

Жун Цунцзинь осыпал его шею чередой поцелуев, а его рука медленно скользнула вниз.

Глаза Гу Чжао широко распахнулись. Спустя время, когда буря утихла и к нему вернулось самообладание, он повернулся и крепко обнял супруга.

— Я больше не хочу выходить отсюда, — пробормотал он.

— Тогда я останусь здесь с вами, — в обычно спокойном голосе Цунцзиня промелькнула непривычная нежность.

Гу Чжао смешно сморщил нос, чувствуя, что запах под одеялом стал слишком тяжелым. Он откинул полог в сторону и принялся осыпать плечи и шею Цунцзиня поцелуями.

— Так это и была настоящая близость? — спросил он наконец. — А чем же я занимался всё это время до этого?!

Не дожидаясь ответа, он подозрительно добавил:

— Мне кажется, ты меня обманываешь...

«Надо же, как быстро он соображает в такие моменты», — подумал Цунцзинь. Не желая лгать, он со вздохом признался:

— На самом деле... всё может быть еще куда ближе.

— Тогда давай попробуем прямо сейчас! — глаза Гу Чжао азартно блеснули.

Он навис над супругом, словно большой пес, тычась носом в его распахнутый ворот и пытаясь

ластиться.

— Нет, нельзя! — в глазах Жун Цунцзиня промелькнул испуг пополам с беспомощностью.

Еще недавно Гу Чжао казался ему почти подростком, и он всеми силами старался укрепить его здоровье. Кто же знал, что снадобья подействуют так быстро? Если это «орудие» сейчас войдет в него без подготовки, он просто не выживет.

Гу Чжао, не зная, что делать дальше, лишь обиженно засопел:

— Цунцзинь...

В его низком, чуть охрипшем голосе слышалась неприкрытая мольба.

— Ваше Высочество, пощадите меня, — Цунцзинь прижал ладонь ко лбу.

Он был шуан'эром — двуполым, и без должной подготовки такое испытание могло закончиться визитом в императорскую лечебницу.

Гу Чжао, проявив неожиданную рассудительность, еще пару раз потерялся о него и, хоть и с явным сожалением, откатился в сторону, завернувшись в одеяло.

***

В июле мгла наконец рассеялась. Затяжные дожди, терзавшие столицу почти неделю, отступили, оставив после себя чистое небо, украшенное яркой радугой. Император, под предлогом непогоды отменявший собрания, вновь взошел на трон в тронном зале, и чиновники потянулись во дворец.

В первый же день губернатор Ичжоу, преодолев бесчисленные преграды и рискуя головой, подал экстренный доклад в обход своего начальства. Он сообщил, что дамбы на реке Цзючжоу прорваны ливнями, реки Цинхэ и Синхэ вышли из берегов, грозя затопить всё вокруг, а военный комиссар Ичжоу намеренно скрывает правду.

«Дожди в Ичжоу не прекращались более полумесяца. Воды реки Цзючжоу прорвали Золотую дамбу в Пуяне, затопив шестнадцать округов и тридцать два уезда. Под водой оказалось более ста пятидесяти тысяч циней плодородных земель, глубина затопления в некоторых местах достигает трех чжанов».

«Число беженцев растет с каждым часом, порядок утрачен, люди вынуждены питаться сухой травой и гусиным пометом».

Император Цзяньюань пришел в ярость. Он швырнул свиток на белоснежные плиты дворца Ханьюань и прорычал:

— Дамбы на Цзючжоу укрепляли каждый год! Как их могло прорвать? Этот Лю Цюаньлинь просто сеет панику!

Его мысли были заняты другим: храм Яогуан в Хойчжоу был достроен лишь наполовину. Если река Хуаньхэ у подножия горы Хойшань выйдет из берегов, строительство придется остановить. Мог ли он быть доволен такими новостями?

— В Ванцзине тоже бушевала буря, а ведь мы в сотнях ли от Ичжоу. Вероятно, в докладе есть доля истины, — подал голос старейшина Ли, выходя вперед. — К тому же дамбы на Цзючжоу прорывало и в прошлые эпохи. Если не принять меры и не направить поток обратно в русло, последствия будут катастрофическими.

— Сейчас необходимо отправить доверенного сановника с рабочими, чтобы восстановить дамбы и помочь губернатору Ичжоу, — добавил он.

— Поддерживаю! — раздалось в зале.

Несколько старых министров один за другим вышли вперед. Это был самый надежный и привычный способ борьбы со стихией в империи Цинь.

Четвёртый принц, Гу Шэн, едва заметно прищурился. Река Хуаньхэ у подножия горы — это приток нижней Цинхэ. Сейчас, когда Цинхэ затопила поля Ичжоу, это полбеда. Но если последовать совету старейшины Ли и вернуть реку в русло, уровень воды в Хуаньхэ неизбежно поднимется. А гора Хойшань после того, как её вершину срыли ради храма, стала крайне неустойчивой. Еще в прошлом месяце его дед присылал вести, что гора содрогалась несколько раз, и рабочих пришлось отозвать.

Если Хуаньхэ разольется, гора может просто рухнуть.

— Отец, в Ичжоу и раньше случались наводнения, наверняка у местных властей есть план действий. Губернатор просто слишком разволновался из-за нужд народа, — произнес четвёртый принц, выходя в центр зала. — Я готов лично отправиться туда, чтобы во всём разобраться.

Император Цзяньюань задумался. Если поедет Гу Шэн, можно не беспокоиться за храм Яогуан — сын присмотрит, чтобы губернатор не преувеличивал масштаб бедствия.

— Четвёртый принц никогда не инспектировал земли от имени императора, это может быть неосмотрительно, — возразил цензор из Дучаюаня.

— В таком случае я назначу еще нескольких человек в сопровождение, — властно произнес император. — Кто желает отправиться в путь?

Обычно борьба с наводнением ложилась на плечи доверенных лиц, но император терпеть не мог тратить казну. Любая неудача в Ичжоу могла стоить карьеры, а впереди маячили голод и эпидемии, которые могли докатиться и до столицы.

Чиновники в нерешительности переглядывались. Лишь когда император повторил вопрос, главный цензор Ли Юньвэнь и комиссар Лю Цзюйчжэн вышли вперед. Император кивнул и приказал генералу Минвэю выделить три тысячи воинов для охраны. Четвёртому принцу было даровано право распоряжаться зернохранилищами Ичжоу. Приказ был ясен: немедленно выдвигаться на инспекцию затопленных земель.

<http://bllate.org/book/13698/1585587>